Эшли Грэм. Новая модель. Автобиография самой известной модели plus size

Автор:
Эшли Грэм

Эшли Грэм. Новая модель. Автобиография самой известной модели plus size

Эшли Грэм

Мода. TRUESTORY

Эшли Грэм – уникальное явление в современном модельном бизнесе и настоящий пример для большинства женщин размера плюс. На сегодняшний день 32-летняя звезда – самая востребованная и известная модель plus size, которая пропагандирует боди-позитив и любовь к своему телу. Она блистает на обложках самых популярных глянцевых журналов, выпускает собственную линию белья, сотрудничает с ведущими мировыми брендами, дизайнерами и агентствами. Но роскошная жизнь Эшли не простое везение, а невероятная история борьбы – детская травля, сложные любовные отношения, соблазны Нью-Йорка и жестокие отказы. Ее книга – это предельно откровенная история девушки, которая не испугалась стереотипов и поборола свои комплексы, чтобы занять заслуженное место на пьедестале мира моды.

Эшли Грэм

Эшли Грэм. Новая модель. Автобиография самой известной модели plus size

Вступление

Моя (целлюлитная) революция

В настоящий момент я нахожусь сразу в трех разных местах и занимаюсь полудюжиной разных дел. Сижу в режиссерском кресле, мне укладывают волосы и наносят макияж, а вокруг щелкают затворами около десятка ивент-фотографов. Одновременно я рулю страничками Снэпчата Harper’s Bazaar и Инстаграма Elle Canada, так что мой телефон только что не раскаляется добела. Примерно через шестьдесят секунд я буду на пути к подиуму, по дороге проверяя, на месте ли грудь и не расстегнется ли нечаянно боди, ибо, хоть я честно и откровенно не стыжусь своих женственных форм, нам совершенно не нужны фото конфуза на подиуме во время моего показа.

Ах да, и еще надо постоянно удерживать на лице исключительно голливудскую улыбку. Потому что стоит хоть раз сделать кислую мину – и прослывешь зверем до конца своей жизни.

Может быть, мне и простительно было бы слегка озвереть, поскольку я ужасно нервничаю. В Нью-Йоркской неделе моды этого года участвует моя коллекция белья для Addition Elle. И повсюду на нем мое имя. Год назад, когда мы впервые провели этот показ, реакция была неописуемой. Фотография, на которой я иду по подиуму в кружевных трусиках, бюстгальтере и на каблуках, взорвала интернет. (Благодаря тому, что ее перепостила Хлои Кардашьян, в те дни я стала одним из самых популярных интернет-персонажей наряду с папой римским Франциском и президентом Обамой. Это было для меня за гранью фантастики!)

Да-да, но это было в прошлом году, а в мире моды год – это вечность. Самый большой вопрос, который сейчас стоит передо мной: сумею ли я повторить это снова?

Мне очень-очень нужно, чтобы всё и все выглядели так же восхитительно, как и в прошлом году. Я хочу произвести такое же сильное впечатление (если не большее), как и год назад, не только потому, что я – модель и это моя профессия, а потому, что показывать роскошных, фигуристых женщин, идущих по подиуму в сексуальном белье, – это часть моей главной миссии в нашей индустрии и моей жизни: доказать, что все тела разные – и все они прекрасны.

Нам надоело слушать, как общество, индустрия моды и Голливуд твердят нам, что мы слишком худые, слишком жирные, слишком дряблые, слишком высокие,

слишком низенькие. Сегодня быть женщиной в Соединенных Штатах почти по определению означает ненавидеть по крайней мере какую-то часть своего тела, если не все тело целиком.

Как женщина, не боящаяся светить своими толстыми ляжками на публике, я задалась целью помочь другим женщинам принимать и любить самих себя такими, какие есть, – с растяжками и прочими прелестями, не соответствующими общепринятым идеалам.

Мое превращение в активистку любви к себе произошло не внезапно. Первые его признаки проявились еще в начале моей карьеры, когда я с удивлением обнаружила, насколько закомплексованными чувствуют себя некоторые модели. Крупные, худенькие – не имело значения. Я замечала, что очень многие из этих женщин жаловались на вылезающий целлюлит или на кажущиеся слишком мощными предплечья. Вот честно, они ничем не отличались от миниатюрных девочек из школьной группы болельщиц, которые ныли: «Я сегодня такая толстая!» Хотя женщины, вслух принижающие себя, не редкость, с ними очень некомфортно находиться рядом. Бывает, наслушаешься их стенаний и начинаешь примерять эти слова к себе.

Но когда мы, модели, принижаем свою внешность, это особенно печально, поскольку нам платят именно за то, чтобы мы хорошо выглядели. Если тебя выбирают для съемок, это означает, что именно ты – самая красивая женщина для этой работы. Зачем же тогда самой относиться к себе иначе? Я хотела быть притягательной – девушкой, которой можно доверять, с которой можно пооткровенничать, – поэтому с самого начала поклялась себе, что никогда не стану принижать себя, что бы ни говорили обо мне другие и что бы я сама втайне о себе ни думала.

Не знаю, в этом ли причина моего профессионального успеха (лично я уверена, что отчасти да), но я достигла большего, чем кто-либо когда-либо считал возможным для модели плюс-сайз. Мои фото появлялись на обложках многих журналов (например, номера купальников Sports Illustrated), хоть мне и твердили, что я никогда не буду девушкой с обложки; я была лицом рекламных кампаний крупных ритейлеров, таких как Levi’s и Sephora, и даже выступала на подиуме на шоу H&M в Париже. Все это помогало мне бороться со стандартом красоты, принятым в наши дни в модной индустрии.

Я обнаружила, что даже за кулисами подиумов и съемочных площадок мое позитивное отношение к собственной персоне помогает и другим научиться лучше относиться к самим себе. Я начала замечать этот эффект во время съемок, в едва уловимых реакциях других моделей, стилистов и визажистов, менеджеров и фотографов. Мне неоднократно говорили, что моя уверенность в себе не просто заметна, но и заразительна. Эта идея настолько понравилась мне, что стала для меня образом жизни. Моя мама, моя помощница, глам-команда и все остальные люди, с которыми я провожу много времени, должны позитивно говорить о самих себе, потому что если они этого не делают, я тут же их одергиваю. (Мои менеджер, агент, помощница, рекламный агент, а также издатель моей книги – дамы фигуристые. Делает ли это меня предвзятой? Или этот факт означает, что именно мы составляем большинство населения нашей страны, а может быть, и планеты?)

Распространение популярных социальных сетей позволило мне донести эту идею до куда большего числа пышнотелых представительниц прекрасного пола, чем первоначальная аудитория, которая знала меня по каталогам и журналам. То, что начиналось как неумелые попытки помочь самой себе, неожиданно превратилось в возможность помочь обрести уверенность женщинам пышных форм во всем мире.

Как я сказала в интервью Cosmopolitan, когда этот журнал разместил мою фотографию на обложке: «Мой целлюлит в эту минуту меняет чью-то жизнь!»

Но я должна быть честной. Утром того дня, когда должно было состояться мое модное шоу, «мисс Боди-Позитив» проснулась, чувствуя себя совершенно не… э-э… позитивной. Я ужасно злилась на саму себя, потому что накануне вечером в ресторане заказала жареный рис с лобстером. Ну, я просто не могла этого не сделать – у моей лучшей подруги был день рождения. Но вечером накануне показа белья жареный рис с лобстером… Это было чересчур даже для меня. Но, черт побери, так вкусно!

Как бы там ни было, сделанного не воротишь. На поход в спортзал с утра времени не оставалось, поэтому я пробежалась вверх по большому холму неподалеку от моего дома, приняла душ и помолилась. Я поблагодарила Бога за эту возможность и напомнила себе, что дело не только во мне. И если я примусь жалеть себя из-за еды, которую съела, и изведусь настолько, что это будет

заметно во время моего выхода на подиум, я подведу всех тех женщин, чьи судьбы, по моим же собственным словам, хотела бы изменить. Глупо думать, что одна-единственная поблажка, данная себе накануне вечером, могла сколько-нибудь значимым образом изменить мое тело. Проблема в моем сознании – в большей степени, чем в чем-то еще, – и я не могу допустить, чтобы еда коварно захватывала абсолютную власть в моем мире.

Так что, вместо того чтобы влезть в безразмерные штаны и уютно устроиться на диване, как мне хотелось в глубине души, я натянула облегающее вязаное платьице для церемонии открытия, не оставляющее на моем теле никаких отметин, которые впоследствии были бы видны на подиуме. (Когда ты модель, да еще такая, у которой на костях имеется мясцо, приходится думать даже о таких мелочах.) Поверх я накинула расшитый джинсовый жакет от Sonia Rykiel и подумала про себя: я отлично выгляжу. А теперь еще и отлично себя чувствую.

И если утренние аффирмации не особенно поддержали мой дух, с этой задачей отлично справилась толпа народу на моем показе. Вон там я вижу несколько незнакомых девушек и множество настоящих добрых подруг – Джорджию Прэтт, Маркиту Принг, Прешес Ли и Тару Линн. Это одни из лучших моделей плюс-сайз, и если вы еще не слышали о них, постарайтесь запомнить их имена. Нас объединяет общая идея: каким бы ни был твой размер, ты прекрасна – просто у нас разные возможности показать это миру. Мы совершим такой необходимый переворот в моде только тогда, когда будут услышаны многие голоса. Одно имя не в силах изменить целую индустрию. Одно имя способно пробить брешь в стене стереотипов, но для того, чтобы продолжать перемены, нам нужно больше женщин, высказывающих свои мысли и демонстрирующих разнообразие. И то, что эта группа выдающихся женщин, моих сестер по духу, пришла сюда, чтобы поддержать меня своим присутствием на показе, очень греет душу.

У всех моделей волосы уложены «пляжными волнами», а глаза подчеркнуты красной подводкой, насчет которой теперь я начинаю сомневаться. Главный визажист описывала красный цвет как «сильный, женственный и неожиданный». В нынешнем сезоне он на пике моды – и уже в силу этого становится неожиданным штрихом моего показа, поскольку у моделей плюс-сайз макияж всегда бывает одинаковым – безопасным. Нас всегда заставляют выглядеть красивыми – причем по-коммерчески красивыми. Есть поговорка, что модели плюс-сайз, как единороги, всегда выглядят одинаково. В то время как для моделей стандартных размеров вариаций приемлемых образов намного больше – «куколки», «андрогины», «инопланетянки» и «бомбы». Но только при условии,

что они укладываются в необходимые параметры (рост от 175 до 185 см, размеры 40, 42 или 44-й), они найдут работу.

Модели плюс-сайз нужна фигура формы «песочные часы», плоский живот, приятное, но не пухлое лицо, а до недавних пор для нас действовало еще одно обязательное требование – длинные волосы. (Я помню, как модель плюс-сайз впервые сделала себе стрижку «пикси» и тем потрясла всю индустрию моды.) Что касается размеров, ты должна быть ростом как минимум 175 см, но выше 183 – ни в коем случае. И ты должна помещаться в образцовые размеры плюс-сайз, а именно 50, 52 и 54-й. (Модели меньших размеров, но больше 48-го, носят сшитые на заказ боди с подкладками, которые делают их полнее в груди, ягодицах и бедрах – этакое корректирующее белье Spanx наоборот, которое приходится носить с собой на любую работу, как и шиньоны еще несколько лет назад.)

К тому же моделей плюс-сайз редко встретишь в элитных модных журналах, но я постепенно сдвигаю границы и в этой области! Необычный, интересный материал фигуристым девушкам не дают. Потому-то мне поначалу и понравилось, что команда визажистов моего шоу пошла в ином, более дерзком направлении. Но когда главная художница-визажист сделала красную подводку вокруг моих глаз, я поняла, что выгляжу так, будто у меня острый случай конъюнктивита…

Не лучший вид для подиума, согласитесь!

Я всей душой предана идее о том, что фигуристые девушки способны влиять на моду. И мы уже это делаем! В начале этой недели я была на показе Кристиана Сириано, где он демонстрировал пять моделей плюс-сайз. Сириано, победитель проекта «Подиум» (Project Runway), также создает линию для плюс-сайз ритейлера Lane Bryant, но в этом шоу демонстрировалась его персональная линия одежды. Я очень рада, что он, в отличие от многих своих соратников, готов занять такую позицию.

Однако дается это непросто. Даже такие роскошные женщины, как модели, с которыми я работаю за кулисами на показе моего белья, не обладают иммунитетом к чувствам незащищенности и даже ненависти к себе. Одна из девочек (модели часто ласково называют друг друга девочками) решительно заявила мне, что не выйдет на подиум в одном комплекте из бюстгальтера и трусов, потому что не желает позориться. «Я не хочу, чтобы у меня трясся

живот, когда я пойду по «языку», – сказала она. А ведь это богиня! В итоге для показа я выдала ей боди.

Как часто женщины напрасно переживают из-за своего веса! Хотя у меня бывали моменты, когда я чувствовала себя по-настоящему толстой (потому что месяцами не ходила в спортзал или питалась пастой и пиццей по пять вечеров подряд), по большей части я не тревожусь из-за цифр на весах. Не поймите меня неправильно. У меня случаются дни, когда я кажусь себе самой большой уродиной на свете, но это всегда результат профессиональной неудачи – например, когда у меня не получилось сделать такой бьюти-кадр[1 - Фото крупным планом, главный акцент которого – макияж.], который хотел фотограф. Забавно, что мое внимание, как правило, не фокусируется на том, чем я прославилась, а именно – на моем размере.

Дело не в том, что я такая уж высокоразвитая личность. Думаю, мне просто не хватает некоего гена стыдливости. Например, для меня не проблема стоять обнаженной перед десятками стилистов и визажистов, ассистентов продюсера и секьюрити. За это меня и любит Кэри, стилист нашего шоу. (Сам отнюдь не стыдливая мимоза, Кэри носится по кулисам в сетчатом топе, сквозь который видны соски, в толстых золотых цепях, крупных цыганских серьгах и зеркальных солнечных очках с золотыми обезьянками на оправе.) «Давай-ка не будем смущать детишек», – говорит он, накидывая тренч на плечи модели, чьи трусики демонстрируют ее ягодицы целиком.

Мы с Кэри много работаем вместе, и он знает, что когда мы на съемочной площадке, я соблюдаю политику открытых дверей – или открытого платья. В то время как многие модели ужасно стесняются показаться нагишом перед другими людьми, мне это ровным счетом ничего не стоит. Более того, я терпеть не могу тенты-раздевалки – такие передвижные палатки размером с примерочную универсального магазина, которые ставят, когда модель переодевается вне помещения, давая ей возможность уединиться.

Мой подход таков: мы пришли сюда работать, так давайте просто работать. Я не собираюсь тратить десять минут на то, чтобы идти в какую-то палатку переодеваться, когда рабочее время так драгоценно. (Если только поблизости не присутствуют папарацци.)

Кэри считает меня девушкой «уверенной в собственном теле», как он это называет. По его словам, я «очень свободная», и тот факт, что я довольна тем, кто я есть, – лучший для меня способ донести свою идею позитивности до других. Хотя, по правде говоря, я вообще об этом не думаю, когда раздеваюсь перед толпой народа. Я просто хочу делать свою работу!

Все свое детство я пробе?гала полуголой. Как и мои младшие сестренки, Мэдисон и Эбигейл. Возможно, я, как старшая и главная, даже оказала на них какое-то влияние. Какова бы ни была причина, на нас троих никогда не бывало особенно много одежек, даже когда мы стали подростками. Мы считали совершенно нормальным ходить по дому в лифчиках и трусах.

Особая ирония заключается в том, что наша мама никогда не ходила голой. Я впервые увидела мамину грудь только три года назад, когда мы с ней были в гостиничном номере и в дверь, которую я забыла запереть, неожиданно постучали. Вскочив с постели, мама схватила сорочку, и тогда я увидела ее целиком. «Я никогда не видела твою грудь!» – завопила я. А мама чуть со стыда не сгорела.

Мамино ханжество в значительной мере связано с тем, что она росла в семье меннонитов. Она не носила чепцы и платья в стиле «Маленького домика в прериях»[2 - Американский телесериал о жизни патриархального семейства.], но, безусловно, скрывала свое тело. Ее родители были фермерами, что означало тяжкий – действительно тяжкий – физический труд. Мама никогда не ходила с другими детьми по домам в Хэллоуин, собирая сладости, поскольку это было время осенней страды. Даже во время учебы в колледже она оставляла занятия на время сбора урожая, чтобы помочь родителям.

Бабушка и дедушка всегда отмечали ее усердие похвалой. Они не уставали благодарить дочь за готовность помочь и никогда не воспринимали ее труд как должное. Мама рассказывала: «Я всегда ощущала любовь и принятие. Не имело значения, как я выгляжу, насколько я толстая или худая. Похвала доставалась упорному труду».

Стоит ли удивляться, что моя мама выросла точь-в-точь такой, как ее родители. Внешность для нее совсем не главное, несмотря на то что сама она – яркая блондинка, зато она славится умением готовить, гостеприимством, невероятным трудолюбием и неисчерпаемым оптимизмом. Эти качества, воспитанные в ней родительским примером, определяли и мое детство.

Как мамины родители прививали свои ценности ей, так и она передавала их мне и сестрам. Выросшая среди людей, которые любили ее и принимали такой, какова она есть, моя мама изливала те же чувства на своих детей, то есть на нас. Единственное, что ее смущает, – привычка дочерей разгуливать, не обременяя себя излишком одежды.

Хотя я модель и зарабатываю на жизнь своей внешностью, мама всегда напоминает мне о ценностях, принятых в нашей семье, и первая из них – внешность не имеет значения. Она не делает меня важнее других людей. Мама часто говорила мне: «Я знаю, что если выглядишь хорошо, то и отношение к тебе особое. – А потом добавляла: – Мне все равно, что кто говорит или делает. Ты должна помнить, что каждый человек ценен по-своему».

Когда я в свои двенадцать лет начала ездить в Нью-Йорк и работать как модель, мама не обращала никакого внимания на те стереотипы, какие доводится слышать о Большом Яблоке. Она, хоть и была дочерью набожного фермера из Среднего Запада, не считала этот город гнездом порока, кишащим негодяями, которые только и ждут возможности воспользоваться наивностью юной девушки. Всякий раз, когда мы вдвоем ехали в Нью-Йорк, моя мама, которая в то время всегда сопровождала меня, когда я отправлялась работать, советовала мне подходить к этому новому для меня городу с открытым сердцем.

– Не стесняйся просить о помощи, – наставляла она. – Смотри людям в глаза, когда говоришь с ними. Всегда смотри им в глаза. И улыбайся.

– Но, мама, на людей в Нью-Йорке смотреть не принято! Это все знают. Кончится тем, что меня примут за проститутку!

– Глупости! – отрезала она. – Люди добры. Смотри на людей и улыбайся – и тогда есть неплохой шанс, что получишь улыбку в ответ.

И это правда!

Даже когда моя модельная карьера пошла на взлет и я переехала в Манхэттен на постоянное жительство, мама не уставала напоминать мне, что надо быть приветливой. Когда же я поселилась в Файненшл-Дистрикт в доме со швейцаром, мама учила меня:

– Узнай, как зовут твоего швейцара, чтобы, заходя в подъезд, ты всегда могла поздороваться с ним и назвать по имени.

В подвале этого дома была прачечная, куда я сдавала одежду, и мама снова советовала:

– Узнай, как зовут женщин, которые стирают твои вещи, и обязательно говори им, как ты благодарна. Они трудятся ничуть не меньше тебя, если не больше. И заслуживают такого же уважения, какое получаешь ты.

Люби ближнего своего, как самого себя. Даже если живешь в Нижнем Манхэттене.

Мама была права. Я усвоила ее совет – быть добрее к другим – не только потому, что так жить правильно, но и потому, что это действительно улучшает жизнь. Свой карьерный успех я в немалой степени отношу на счет того, что следую маминому примеру. Даже в такой недоброй и конкурентной индустрии, как модельный бизнес, ты ничего не добьешься, считая себя лучше всех.

Вот почему перед показом моей коллекции белья, когда ведущий стилист спрашивает, хочу ли я боковой пробор (как я обычно делаю) или прямой, как у остальных девушек, я отвечаю:

– Я хочу выглядеть, как все остальные.

– Какую длину будем делать? – спрашивает стилист, беря в руки здоровенный пакет с шиньонами.

– А какую делают все остальные?

– До лямки лифчика.

– Значит, такую.

То же самое повторяется с маникюршей, которая желает знать, точно ли я хочу угольно-серый лак на ногти.

– Да, такой же, как у всех остальных девочек.

Даже становясь требовательной, я делаю это по-доброму. Оказывается, красная подводка вовсе не шикарна; она ужасна. Когда стилист в первый раз показывает мне мое лицо в зеркале, я пытаюсь сохранить хладнокровие: «Необычный вид…» Я пытаюсь убедить саму себя, что это выглядит круто. Но просто не получается. Мне совершенно не нравится. Я понимаю, что Addition Elle – это передний край моды, что не может не радовать, но от этого образа на моем лице у меня мурашки по коже. Поэтому я не прошу – я решительно заявляю команде, что мы меняем макияж (красный остается только на нижнем веке, более тонкий и растушеванный). Хотя это приказ, я преподношу его уникальным способом, который мне подсказал мой муж Джастин. Его суть в том, что, изложив свое требование до конца, я взрываюсь громогласным маниакальным хохотом, который заставляет другого человека невольно хохотать вместе со мной, так что он не успевает опомниться, как уже соглашается на все, о чем бы я ни попросила. В данном случае это означает полную смену макияжа всем участницам примерно за час до шоу.

– Мы меняем макияж! Муа-ха-ха-ха-ха!

И визажист на диво спокойно это воспринимает, особенно если учесть, что последний час перед модным показом – это время, когда всё вокруг действительно сходит с ума (а последние 15 минут и вовсе творится первозданный хаос) – и, разумеется, именно в этот момент появляется моя мама со своей лучшей подружкой, которую я зову тетушкой Барб. Они с ног до головы одеты в черное, как я и просила.

Я понимаю, что она уже здесь, раньше, чем вижу. Ее голос гудит: «Приве-ет!» А этот громогласный хохот! Догадаетесь, от кого я получила его в наследство? Мы – шумная семейка.

Три разных человека завивают мне щипцами шиньоны, педикюрша красит ногти на ногах, а модный репортер задает вопросы – и тут моя мама говорит:

– Я хочу с тобой сфотографироваться.

Она же мама, в конце-то концов.

После того как я пару раз нетерпеливо закатываю глаза (я же ее дочка, в конце-то концов), мама с Барб испаряются, и вдруг наступает решительный момент.

14.44. Два человека натирают маслом мои ноги, еще один припудривает зону декольте и маскирует синяк на ноге.

15.06. Костюмеры подключаются к действу, девочки строятся в шеренгу. «Убедитесь, что лифчик застегнут на последние крючки! – кричу я. – И что грудь выпирает точно в нужном месте!»

15.15. Впервые за весь день за кулисами воцаряется абсолютная тишина. Показ начинается. Мне нестерпимо надо в туалет, но я игнорирую зов природы…

И всего лишь каких-то десять минут спустя все уже закончено. Пять часов подготовки, недели тревог, месяцы дизайна. А потом проходит меньше времени, чем длится какая-нибудь композиция в стиле техно, – и всё.

Мне, вибрирующей от адреналина, кажется, что я сразила всех наповал. Но так ли это? Мне необходимо увидеть фото, потому что я знаю, что будет дальше. Все будут сравнивать мое тело с тем, каким оно было в прошлом году, рассуждать, хорошо оно выглядит или не очень, стала я толще или стройнее. Я уже вижу все эти статьи и посты в блогах, в подробностях обсуждающие мои ляжки. Да кому какое дело? – пытаюсь я сказать самой себе. Однако в тот же момент меня охватывает неуверенность, которую ощущает каждая женщина, выставляя себя на обозрение – будь то на подиуме, в церкви на собственной свадьбе или на первом свидании.

Хорошо ли я выглядела?

Хотелось бы мне, чтобы мой вопрос был иным, но уж что есть, то есть. Я не обладаю никакой сверхчеловеческой способностью, которая делала бы меня непробиваемой для критики и негатива. Всегда будут люди, способные заставить тебя плохо думать о себе. Вот только на днях на съемках кто-то спросил, сколько мне лет, и когда я сказала, что двадцать девять, в ответ услышала: «О, как я понимаю, вы демонстрируете не только телесное разнообразие, но и возрастное!» Неприятно! Дело не в размере и не в возрасте,

но в том, как ты подаешь себя и справляешься с ситуациями, которые порой бывают несправедливыми.

Уязвимость – не грех, и каждый человек имеет право на свои собственные чувства. Но я существую для того, чтобы сказать вам всем: хотя поначалу я не испытывала любви к своему целлюлиту или растяжкам (и не всегда благодарна за них и по сей день), я имитировала эту любовь, пока она наконец не стала ощущаться как реальность.

Известное явление – когда человека принижают слишком часто, критика становится его внутренней истиной; но когда начинаешь вести себя так, будто ты восхитительна, то постепенно начинаешь в это верить.

Словно прочитав эти мысли, подходит мой рекламный агент и подносит к моим глазам смартфон. Она открывает на экране фотографию: я, лицом к миру, в бюстгальтере и трусиках, уверенная и сильная.

Да, я была неотразима!

Глава 1

Слава, богатство, любовь к себе… Чего не может дать карьера модели?

Ты достаточно хороша, чтобы все, чего ты хочешь достичь, стало возможным. Нужно просто выявить свой талант и любимое дело – а потом вложить в него прорву труда.

Один из вопросов, которые постоянно задают мне молодые женщины: «Как мне стать моделью?»

Я никогда не отвечаю на этот вопрос. На свете полно агентов, книг и других источников, более компетентных в профессиональных советах, чем я. Вместо ответа я задаю встречный вопрос:

– Позвольте мне спросить вас вот о чем: вы хотите стать моделью, потому что это поможет вам чувствовать себя красивой, зарабатывать много денег или стать знаменитой?

А потом наступает момент суровой истины, и я добавляю:

– Если да, то ничего подобного не случится.

Я понимаю, что из моих уст это звучит ошеломляюще, а может быть, даже грубо. Да, мне повезло, потому что я, став моделью, получила все это и даже больше. Но слава и в моем случае, и практически во всех остальных – это чистое везение, которому предшествовала бездна упорного труда. Я не шучу. Если бы существовала какая-то формула славы, звездами становилось бы намного больше людей!

Большинство моделей делают свою работу в полной безвестности, как и люди, занимающиеся любой другой деятельностью. Лишь единицы в модельном мире становятся брендовыми именами.

А как же деньги? Зарабатывать много, безусловно, можно – при условии, что ты «то, что надо», а это такая же редкость, как сделать успешную карьеру актрисы или поп-музыканта. (Если же ты именно «то, что надо», научись выгодно вкладывать свои денежки, поскольку «тем, что надо» ты долго не пробудешь.) Гонорары в журналах и модных шоу намного скромнее, чем кажется непосвященным, а многие модели тратят свое время не на оплачиваемую работу, а на блуждания с одного кастинга на другой, где конкуренция настолько свирепа, что тебя с большей вероятностью отвергнут, чем возьмут.

И последнее: насчет красоты. Сколько бы стилистов, визажистов, костюмеров и экспертов по фотошопу ни состояло у тебя в личном штате, работа модели заставляет тебя на полном серьезе чувствовать себя уродиной. Поскольку твоя внешность – это твоя профессия, она же становится легкой добычей критики.

Когда ты модель, люди разбирают на косточки любой, даже самый мельчайший аспект твоей внешности. И никаких табу не существует.

Я произношу эту полную суровой истины речь перед всеми девушками, мечтающими о карьере модели, потому что хоть мне и хочется, чтобы они представляли, во что впутываются, мне понятен импульс, стоящий за этим желанием.

Еще до того, как стать «красавицей», я стремилась быть в центре внимания. Черт, да у меня еще молочные зубы не выросли, а я уже упивалась вниманием! По словам моей мамы, я была «яркой» даже во младенчестве. Когда она выкладывала меня на застеленный одеяльцем пол, я поднимала головку и обводила комнату взглядом, полным «достоинства» (опять-таки мамино слово). Я всегда смотрела людям прямо в глаза – даже в два года, когда мы поехали в «Мир Диснея» и я принялась здороваться с каждым встречным. К трем годам я повадилась забираться на кафедру в церкви и читать проповеди в пустом молитвенном зале. Да, я себе очень нравилась. И никакая сцена не была для меня слишком мала. Для демонстрации моего великолепия годился и камин в гостиной.

Когда на свет появились мои младшие сестры, Мэдди и Эбби, я вовлекла их в свои шоу, как только они подросли. Я была не против делиться славой – при условии, что в свете прожекторов останусь самой шумной и самой запоминающейся. Мы все танцевали и пели. Каждое Рождество устраивали для наших родственников шоу талантов. Каков бы ни был повод для выступления, я всегда была и режиссером, и примадонной.

Мы часто переезжали с места на место, поскольку папина работа была связана с маркетингом по базам данных. Мне был всего месяц или два от роду, когда мы перебрались в Атланту, где прожили до моего четырехлетия. Мама была на девятом месяце беременности Мэдисон, когда мы переехали в Нью-Гэмпшир. А Эбби оставалось два месяца до рождения, когда грянул переезд в Конуэй, штат Арканзас. Моя мама, «профессиональная домохозяйка», то и дело оказывалась в новых домах в незнакомых городах, где у нее не было ни единой родной души. В то время как отец ездил по бесконечным рабочим делам, она сидела дома со мной и сестрами.

Теперь, став взрослой, я даже представить себе не могу, через что прошла моя мама. Я впадаю в панику, если не могу заказать еду на дом. Мне страшно даже

вообразить, как это – каждый вечер готовить ужин на пятерых. Но в любом месте, будь то Арканзас, Нью-Гэмпшир, Даллас, а потом снова Небраска, она всегда находила возможность создавать домашний уют, наполненный множеством людей, вкусной едой и весельем. Она заводила друзей по соседству или в церкви и всегда готовила дома. Она обожала шум, разговоры, смех и музыку. Наш магнитофон всегда проигрывал записи Эми Грант или Шанайи Твейн. Мы с сестрами придумывали целые танцевальные номера на эти песни и показывали их маме, как настоящее представление.

Только став взрослой, я узнала, что мама вовсе не была в восторге от всех этих бесконечных переездов. Недавно она призналась мне, как тяжело было ей каждый раз заново строить отношения и уклад жизни, от которых не оставалось и следа, как только наступала пора перебираться на новое место. Впрочем, невзирая на грусть от предстоящего расставания со старыми друзьями и опасения не найти новых там, куда мы направлялись на этот раз, нам мама всегда представляла переезды как большое приключение.

– Вы скоро познакомитесь со своей самой-самой новой лучшей подругой, – убеждала она меня и сестер. – Она ждет не дождется знакомства с вами там, где мы будем жить.

– Э-ге-гей! – вопили мы в ответ, прыгая от восторга. Она делала любой переезд волнующим событием для нас, хотя душа ее была полна печали.

Многие люди, которым в детстве пришлось часто переезжать, жалуются, что это было ужасно. Я никогда не ощущала ни тревоги, ни печали, и все это благодаря постоянному присутствию мамы.

Теперь-то я понимаю, что не испытывала беспокойства из-за того, что покидала друзей, очередную школу или свою комнату, потому что мама всегда была рядом. Она всегда поддерживала меня и сестер, хотя и не кидалась хватать на ручки и утешать после любого падения. Вот падения ее ничуточки не волновали; как-то раз я, грохнувшись с велосипеда, пролежала на земле добрых минут пять, то ли действительно рыдая, то ли играя на публику в расчете на то, что мама выбежит из дома с холодным компрессом или еще каким-нибудь спасательным средством. Вот чего она от нас хотела – подниматься и идти дальше, что бы ни случилось. «Чем займемся сегодня? – говаривала она. – Давайте-ка

повеселимся!» Это была ее мантра.

Когда мы переехали в Небраску и мне исполнилось двенадцать лет, я впервые задумалась о карьере модели. Мне и прежде говорили, что я хорошенькая, но когда мы жили в Техасе, помню, ворчала про себя: «Не такая уж я и красивая».

Причина, по которой я так думала, не имела ничего общего ни с тем фактом, что я носила очки, ни с тем, что у меня уже начали появляться округлые женские формы. Просто я была не слишком популярна. Как и многие другие молодые девушки, я приравнивала популярность к красоте.

Выше всех на социальной лестнице в Далласе были блондинки с сияющими волосами из богатых семей, стройняшки, одетые в самые модные наряды.

А не крикливые и грудастые темноволосые девицы с бедрами как у двадцатипятилетних.

Так что когда однажды вскоре после переезда в Небраску в торговом центре к нам с папой подошел сотрудник модельного агентства, моему удивлению не было предела. Кларк представился нам в характерной для Среднего Запада дружелюбной манере, сообщив, что он из агентства I & I, базирующегося в Канзас-Сити, штат Миссури, и что он хотел бы поговорить со мной насчет возможности поработать моделью.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Фото крупным планом, главный акцент которого – макияж.

2

Американский телесериал о жизни патриархального семейства.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grem_eshli/eshli-grem-novaya-model-avtobiografiya-samoy-izvestnoy-modeli-plus-size

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить